

Содержание

Предисловие.....	7
Введение.....	9
Глава 1. Проблема работы.....	23
Глава 2. Группа в процессе игры.....	57
Глава 3. Жадность, зависть и поиск собственного Я.....	86
Глава 4. Жизнь и смерть на работе.....	104
Глава 5. Репарация, эмпатия и общественные интересы.....	121
Глава 6. Навыки, власть и авторитет.....	161
Глава 7. Идентичность на работе.....	191
Глава 8. Работа и реальность.....	206
Глава 9. Заключение.....	225

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почему люди работают и какой смысл они видят в работе? Когда-то, отвечая на этот вопрос, мы руководствовались исключительно внешними факторами, а именно доходом от работы. Но со временем внешние факторы перестали быть настолько значимыми, и напротив на первый план стали выходить внутренние факторы и мотивация, крайне важная для всех нас. В данной книге основное внимание будет уделяться именно тем внутренним факторам, которые определяют смысл работы и основные параметры в работе. Три из внутренних факторов представляются нам самыми важными в понимании смысла работы: жадность, вина и Я. Итак, мы будем рассматривать работу и вышеуказанные факторы как по отдельности, так и вместе. Особое внимание будет уделено факторам, влияющим на эмоциональную способность человека выполнять работу, а именно: Я и его творческому потенциалу, а также всевозможным проблемам, связанным с этим.

Мне потребовалось несколько лет, чтобы собрать воедино материал, представленный в данной книге. Немаловажным оказался и мой опыт обучения студентов, которых я готовил к дальнейшей работе и карьере, делая акцент на том, что их будущая работа должна быть им в радость. Большинство представленных здесь материалов – это случаи из практики моих студентов, приведенные с их разрешения. И это лишь малая толика того огромного вклада, который они внесли в нашу совместную деятельность.

Материал Главы 4 первоначально был представлен на ежегодном симпозиуме Международного психоаналитического сообще-

ства в Харлеме, Нидерланды (июнь 2006 г.). с Материалами 6 и 9 Глав я выступал на коллоквиуме по организационной психодинамике в Университете Миссури (Колумбия) в 2006 и 2007 гг. Материал Главы 7 впервые был опубликован в издании «Социо-анализ» (декабрь 2002 г.). Мне бы хотелось выразить глубокую признательность Пэм Вулф за ее редакторские правки в работе над рукописью книги.

ВВЕДЕНИЕ

В свое время значительное внимание уделялось тому, как организация работы связана с уважением к индивидуальной целостности. В частности, обращали внимание на всевозможные агрессивные аспекты работы. Кроме того, был сделан акцент на том, как лица, ответственные за организацию и контроль труда, могут лучше всего мотивировать других выполнять работу, которую предстоит довести до конца. При этом гораздо меньше внимания уделялось вопросу способности человека выполнять конкретную работу, требующую от него полного погружения и творческого потенциала, или вопросу, почему человек старается избежать всего этого, пытаясь найти какие-то иные цели в работе. В данной книге мы будем говорить о том, способен ли человек выполнять ту или иную работу, требующую от него вложения частицы своей души, ведь если это оказывается невозможным, человек вынужден искать иную работу и иные цели.

Итак, сначала мы постараемся рассмотреть природу работы: чем мы занимаемся и что подразумевается при этом? «Оксфордский словарь английского языка» (1989) дает нам множество различных значений деятельности: производить, создавать, совершать, формировать или придавать определенный вид. Продуктом работы может быть наш физический вклад, но это не подразумевается данным определением. Мы приступаем к работе, когда у нас появляются какие-то идеи; и, как впоследствии станет понятно, подобное зарождение идей является неотъемлемой частью всей работы, включая работу, которая увидит свет в каком-то конечном продукте. Поскольку работа – это формирование и придание формы чему бы то ни было, по сути это творческий акт.

Ведь на выходе мы получаем то, чего не было раньше. Таким образом, согласно Карлу Марксу, работе (или как он выражается труду) придает исключительно человеческое качество то, что в конце мы получаем «некий результат, который уже существовал в воображении работника в самом начале» (1967, р. 178).¹ Точно так же, говоря о собственной деятельности, Фрейд замечает, что «творческое воображение и работа неразрывно связаны между собой» (Махонь 1997, р. 35). Тот же акцент на воображении можно увидеть и в утверждении Эллиотта Жакеса, что «любую работу в принципе можно считать творческой ... [ибо] она требует непрерывной игры мысли, воображения, определенных суждений и принятия решений» (1990, р. vii) Все это еще раз говорит нам о том, что деятельность можно считать работой не только потому что мы можем видеть определенный продукт труда, но и потому что идея этого продукта существовала гораздо раньше – задолго до того, как человек приступил к ее реализации.

Однако, следует отметить еще один важный аспект, когда работа оказывается не столько творчеством, сколько перенапряжением. В работе мы пытаемся справиться с сопротивлением. Эта сила сопротивления может быть как физического, так и психического характера. Работа, связанная с рождением какой-то идеи, требует от нас определенного контроля и внимания, что позволяет нам рассчитывать на то, что именно эта идея будет в конечном счете реализована. Проще говоря, мы говорим о «работе», когда в нашем представлении есть что-то еще, к чему нас побуждает наш разум и мы в свою очередь ожидаем, что это принесет нам большее удовлетворение. Поесть или выпить – конечно же, это не работа. Наслаждаться музыкой – не значит работать. Смотреть фильм или предаваться фантазиям – и в этом тоже нет ничего от труда. Работа, которую мы понимаем как перенапряжение, представляет собой полюс, противоположный удовольствию. Но есть еще одна возможность, которая подразумевается в самом понятии «работа», позволяющая нам применять данное определение

¹ Маркс дифференцирует эти два понятия, и я бы сказал, что здесь все же нечто более близкое к работе, чем к труду.

даже там, где мы можем видеть напряжение и удовольствие от этого напряжения. Иными словами, напряжение может быть приятным, и даже если в результате так ничего и не будет создано, все равно мы можем назвать это работой. Часто мы прилагаем определенные усилия в игре, а это значит, что элемент игры – в смысле приложения усилий против сопротивления – может присутствовать даже тогда, когда мы ничего и не создаем; когда же мы прикладываем усилия против физического сопротивления, то иногда это называют работой, даже когда подобные действия приносят удовлетворение.

Иногда работу идентифицируют с производством чего-то социально полезного, что

позволяет человеку получить определенное место в обществе. Так, Эрнэ Фурман ограничивает использование определения «работа» по отношению к деятельности, «способствующей самодостаточному и полезному функционированию человека, как члена общества...» (1997, р. 7-8).² Все это отсылает нас к представлениям Фрейда о работе, как главной составляющей «двойственного фундамента» общественной жизни, и подчеркивающего то, что поскольку это берет свое начало в общественной жизни, «принуждение к работе... обусловлено внешней необходимостью» (1961, р. 48). Как отмечает Уильям Цандер, работа, воспринимаемая таким образом, приносит удовлетворение, потому что она дает возможность «психологической привязанности к лидеру и сообществу» (1993, р. 32).

Подобное отождествление работы с какой-то внешней целью противоречит представлению о работе, когда для человека действительно важен смысл, часто на этом делается акцент в психологии самости. Таким образом, В. Мейсснер определяет работу как «усилие, направленное на достижение цели, служащее некой общей цели или полезное в рамках какой-либо личностно-значимой системы ценностей» (1997, р. 36). Итак, определение «работа» не следует ограничивать деятельностью, способствующей созданию неких основ для жизни в обществе или определяющей роль

² См. похожее определение работы Жака (1990, р. 125).

человека в сообществе. Определение «работа», очевидно, имеет разные, а иногда и противоречащие друг другу смыслы.

Восприятие работы – то, что интересует меня здесь, – представляет собой разновидность этих смыслов. В данном случае я буду рассматривать попытки придания формы или создания определенного продукта, позволяющего реализовать некую идею. Так как я связываю работу с реализацией идеи, на мой взгляд, творческий элемент в работе имеет решающее значение. И поскольку производство чего бы то ни было действительно представляется мне крайне важным, я рассматриваю работу как выражение человеческого творческого потенциала, что я считаю неразрывно связанным с Я. Понимаемая таким образом работа создает нечто объективное в том смысле, что оно существует не только для работника, но и для других; здесь мы можем видеть как психическую, так и интерпсихическую реальность. На мой взгляд, наличие интерпсихической реальности является важной составляющей того, что мы подразумеваем, когда говорим о принесении пользы обществу.

Мы испытываем одновременно желание как работать, так и побыстрее избежать работы. Последнее выражает силу примитивной мысли, когда желание что-то сделать становится нашей целью, которая будет достигнута, стоит нам только этого захотеть, или, возможно, просто представить это в своем воображении. Таким образом, необходимость труда имеет сильный субъективный смысл, когда мы уже больше не существуем в этом состоянии слияния с объектом желания, ожидая от этого желания удовлетворения. На мой взгляд, это одна из важнейших составляющих в работе. И хотя это всегда будет неотъемлемой частью проблемы работы, именно это представляется мне крайне важным. Преодоление стремления сделать что-то еще не является существенным моментом в работе, ибо работа отражает столь же важное стремление выполнить работу, то есть создать или придать некую форму предмету, реализуя таким образом импульс к созиданию.

Рассматривая основные моменты стремления к созиданию и его связи с примитивной формой мышления, когда слияние с объектом желания делает творческий акт ненужным и потенци-

ально опасным, мне бы хотелось обратиться к результатам психоаналитической теории объектных отношений.³ В теории объектных отношений очень важно то, насколько примитивный опыт формы бытия, состоящий из связей и отношений, представлен в сознании человека как некие шаблоны, позволяющие взаимодействовать с другими людьми, а впоследствии и имеющие для него определенные смыслы. Основная идея здесь заключается в том, что сущность человеческого опыта в существовании сложного внутреннего мира, формирующего поведение и связи с другими людьми, доступ к которому значительно ограничен факторами, связанными с явной необходимостью защитить человека от тех переживаний, которые он считает разрушительными. В большинстве случаев этот внутренний мир плохо известен и мало понятен, потому что смысл защиты человека от угрозы заключается в том, чтобы предотвратить осознание тех внутренних сил, которые представляются ему разрушительными. Здесь в ход идут самые разные стратегии, только бы не допустить еще большего самопознания; стратегии, которые по природе своей не должны проникать в сознание. Одна из этих стратегий заключается в том, чтобы проверить на практике эти неприемлемые для человека факторы, берущие свое начало во внутреннем мире, также, как мы проверяем факторы, возникшие в мире внешнем. Психоанализ – это наши поиски смысла внутренней драмы, которая отыгрывается в мире внешних объектов, и стремление опровергнуть убеждение, что она берет там свое начало.

Говоря это, я вовсе не стану отрицать, что внутренняя драма берет свое начало в объектных отношениях; напротив, я допускаю, что именно так и есть. Однако, внутренний мир начинается не с этих отношений, а с их интернализации. Психодинамические процессы способствуют созданию внутреннего мира, а затем формированию отношений с внешними объектами в соответствии с формой, приемлемой для этого внутреннего мира. Это можно считать психодинамическим объяснением в том плане, что внеш-

³ Обзор соответствующей литературы – см. Гринберг и Митчелл (1983) и Саммерс (1994).

ний мир событий и связей следует понимать как сеттинг отреагирования драм, берущих свое начало во внутреннем мире человека.

Поскольку внутренняя драма возникает в объектных отношениях и развивается в процессе интернализации этих отношений, использование внешнего мира как сеттинга для отреагирования внутренних отношений не следует интерпретировать как сведение одного к другому; ни то, ни другое не может позволить нам сделать вывод, что объективный мир, или, как говорит Фрейд, мир принципов реальности, есть не что иное, как проявление субъективного желания. На мой взгляд, именно стремление к работе делает внешний мир чем-то большим и отличным от простого сеттинга, связанного с воспроизведением фантазий. Эту разницу можно увидеть в важном разграничении между переживанием внешнего мира как сеттинга для отреагирования фантазий и восприятием мира как сеттинга для реализации какой-то идеи. Только последнее во многом связано с реальной работой, потому что идеи – это не субъективные фантазии. В действительности то, как мы живем и разделяем некую объективную фантазию, может в значительной степени разрушать мир труда. Иными словами, фантазии и идеи по-разному формируют взаимосвязь между субъективным и объективным, поэтому мы по-разному понимаем природу и смысл нашего социального бытия. Осознавая эту разницу, тема работы приобретает все более важное значение.

Теория объектных отношений оказывается очень эффективной в понимании проблемы работы, показывая нам непреодолимое желание вновь погрузиться в то примитивное эмоциональное состояние, где любое желание выполнимо, а границы между фантазией и реальностью размыты, – все то, что мы можем наблюдать в процессе работы, (о чем я уже говорил выше). И хотя сначала может показаться, что это усилия, направленные против работы, на мой взгляд более точным будет следующее определение: прилагать все усилия, чтобы выполнить работу. Это происходит потому, что отказываясь от прикладывания в дальнейшем усилий, связанных с работой, мы отказываемся от возможности особого удовлетворения, которое мы могли бы испытать, если бы сепар-

рировались от объекта желания. Это удовлетворение, которые мы испытываем на практике, согласно определению Кристофера Болласа, и есть наше «уникальное присутствие бытия» (1989, р. 9). Ощутить уникальное присутствие бытия – значит почувствовать то, что мы живы; и, на мой взгляд, работа как раз является той особой деятельностью, которая позволяет взрослому почувствовать себя живым в этом смысле.

Тем не менее, чаще всего мы видим как раз обратное: взрослые стараются найти в работе не возможность почувствовать себя живыми, а избежать этого чувства. Именно это бегство от собственного Я и представляет для нас здесь главный интерес. Это объясняет доминирование в нашем представлении о работе идеи о том, что работу необходимо доделать, чтобы у нас осталось собственное время, которым мы могли бы распоряжаться по собственному усмотрению уже после работы. Иными словами, в нашем представлении о работе доминирует мощная оппозиция, а именно оппозиция между работой и игрой. Когда мы работаем, мы не можем играть, и игра становится, главным образом, уходом от работы, точно так же как работа – одна из возможностей ухода от собственного Я.

Как правило вопрос уникального присутствия бытия или жизненных сил, которые есть у человека, можно считать одной из составляющих его естественного вклада, которую стараются обходить или оставлять без ответа; и в каком-то смысле проблема именно в этом. Но жизненные силы, которые мы имеем в виду, говоря о работе и игре, уводят нас от тех сил и целей, которые мы можем наблюдать в естественной среде. Итак, говоря об игре, Дональд Винникотт отмечает, что волнение, которое мы испытываем в игре, «не является первичным, потому что это связано с инстинктами»; и, действительно, «инстинкты – это основная угроза для игры» (2001, р. 47, 52). Точно так же говоря о работе, основное внимание уделяется не факторам характерным для естественной среды. В этой связи Фурман настаивает на том, что «удовольствия от работы и игры не могут быть ни физическими, ни инстинктивными» (1997, р. 6); Мейсснер также говорит о том, что работа «не является ни инстинктивным побуждением, ни формой проявле-

ния энергии Эго, это что-то более сложное, связанное с общей эффективностью и распределением психических сил» (1997, р. 36).

Связь между работой и творческим потенциалом человека означает то, что работа – это деятельность, посредством которой человек создает нечто иное между своим миром и природным миром, некогда дарованным ему. По словам Ханны Арендт, «работа – это деятельность, в которой нет ничего естественного для человеческого существования». Работа позволяет человеку создать мир, «отличный от естественной среды» (1958, р. 7). Такая сепарация человека от мира природы и осознания себя его частью и есть цель работы, которая не поддерживает естественное бытие человека, но создает для него неестественное существование.

Таким образом, жизненные силы, которые мы можем почувствовать в работе, – это не жизненные силы физического организма, хотя они и является непрямым условием, а жизненные силы души или Я. Именно эту сепарацию человека от его естественного существования мы имеем в виду, говоря о том, что значит действительно быть живым; и в связи с этим работа, которую выполняет человек, имеет смысл и свою конечную цель не в воспроизводстве чего-то, как составляющей природного обмена, а в создании того, что отличается от естественной среды обитания, характерной для данного вида. Наши жизненные силы – это наш импульс приостановить процесс естественного детерминирования и найти источник деятельности и связей где-то еще. Определение, используемое для этого нового источника бытия, – это Я; новая детерминированность – это самоопределение. Таким образом, «автором работы» становится Я (Meissner 1997, р. 39), и «никакая реальная работа не будет возможна до тех пор, пока не возникнет реальное Я, которое сможет выполнить эту работу» (Reinerand Bail 1997, р. 77). Итак, резюмируя вышесказанное:

Я необходимо, и оно старается найти какую-то значимую и важную для себя работу, стремится достичь этого состояния и эффективно функционировать в контексте, связанном

с работой, где Я находит функциональные каналы выражения и смыслов, способствующие его собственной структурной целостности и эволюции.

(Meissner, 1997, p. 58).

Однако, жизненные силы человека или зарождающееся Я находят свое выражение в сеттинге, в каком-то смысле прямо противоположном этому. Это происходит потому, что Я зарождается в состоянии сильнейшей зависимости, погружения в такое бытие, в котором преобладает естественная необходимость, а также во внешнем мире, уже сформированном и заданном. Это означает, что если Я окажется больше того первоначального скрытого потенциала, оно должно будет найти способ существования в мире других Я, и тогда вряд ли этот мир будет разделяться с ними. Скорее всего он будет состоять из каких-то собственных действий.

Решение проблемы, о которой я буду здесь говорить, можно считать настоящей отправной точкой для работы в ходе которой зарождающееся Я создает собственный мир, в котором оно может существовать; этот внешний мир представляет мир внутренний. Однако, хотя зарождающееся Я создает мир для себя, оно не имеет для этого собственных ресурсов. Напротив, внутренний мир построен на опыте взаимодействия с внешним миром, который – по крайней мере в начале – представляет собой материнскую среду обитания. Именно так внутренний мир строится из материала, предоставляемого извне, что и определяет траекторию Я в процессе эмоционального развития и, следовательно, способность к труду, возникающую в этом процессе.

Самым важным в этом развитии является ранний опыт бытия Я с другими. То, как воспринимается наше Я, играет главную роль в формировании зарождающегося внутреннего мира, поскольку это представляет собой интернализацию отношений, в которых Я воспринимается другими, что и формирует внутренний мир. Здесь представляется крайне важным именно вопрос безопасности, а также то, насколько эти различные проявления указывают младенцу и маленькому ребенку, что его Я действительно существует в мире других. Поскольку внутренний мир формируется

через интернализацию отношений с другими, то, насколько возможно выражение Я в этих отношениях, будет решающим в определении соответствующего положения Я и во внутреннем мире.

Реагирование на всевозможные проявления Я означает реакции на выражение присутствия во взаимоотношениях с тем, кто заботится об этом новом реально существующем человеке. Но этот новый человек может быть только там, где в отношениях есть отдельная психическая реальность; и сепарация возможна только там, где есть различия. Все большие различия делают реальным присутствие Я, и именно толерантность к различиям того, кто заботится о ребенке, создает такие отношения, в которых для младенца и маленького ребенка безопасно быть самим собой. Творчество, которое мы идентифицируем с работой, следует понимать в контексте именно этих различий, о которых я только что говорил. На самом деле творчество и, соответственно, работа, возможны только тогда, когда нечто во внешнем мире, уже данное нам, могут у нас забрать, а развитие и выражение Я может быть чем-то иным, чем просто имитация и воспроизводство ранее предоставленного нам. В этом смысле творчество первоначально означает производство различий. Для того, чтобы что-то создавать, мы должны сначала представить то, чего не было раньше; то есть нечто иное, отличное от того, то есть сейчас.

В понимании необходимых аспектов для того, чтобы быть или иметь Я, идея интернализованного объектного мира играет особенно важную роль, потому что именно конфигурация этого объектного мира является определяющей в том, насколько человек будет имеет доступ к собственным жизненным силам и сможет существовать в мире других. Таким образом, определение Я можно отнести как к исходным жизненным силам, так и конкретной конфигурации внутреннего мира, что не стоит считать не первоначальным вкладом, а неким артефактом качества взаимоотношений и того сеттинга (установление близости), в котором растущий организм оказывается в первые годы своего существования.

Вопрос о безопасности внутреннего мира можно трактовать как вопрос относительной силы карательных и подавляющих объектных отношений, что определяет способность человека ин-

вести ценность в Я; в деятельность, через которую ощущается его присутствие, и, следовательно, в продукты этой деятельности. Для того, чтобы Я было доступно во внутреннем мире, оно должно цениться там, а это значит, что оно должно считаться хорошим или достойным любви. Инстинкт самосохранения можно считать некой отправной точкой для способности быть и иметь Я; а ненависть к себе – это нападки на ценность Я, что может приводить к утрате доступа к Я, как к источнику активности. Утрата Я как источника активности означает то, что Я не может присутствовать на работе. По словам Хайнца Кохута (1971, р. 120):

Многие из самых тяжелых и хронических нарушений в работе... можно объяснить тем (мне неоднократно доводилось наблюдать это в собственной практике), что Я плохо контактируется с нарциссическим либидо и находится в хронической опасности фрагментации, со вторичным снижением эффективности Эго.

И хотя баланс между положительно и отрицательно заряженными объектными отношениями во внутреннем мире зависит от типа объектных отношений, доступных во внешнем мире в первые годы существования человека, именно интернализированные объектные отношения в конечном счете определяют способность человека вкладываться в свою деятельность, наделяя конечный продукт труда определенной ценностью. Эти факты определяют, работает ли человек или избегает работы, в которой столь важен субъективный элемент.

Таким образом, представление о Я как о структурировании внутреннего мира имеет особое значение для понимания разных видов работы и определения того, воплощает ли в себе работа или нет элемент творческого начала в человеке. Это связано с тем, что Я представляет собой творческий центр организма. Когда мы говорим о Я как о творческом центре, мы говорим о Я скорее как о субъекте, нежели об объекте. В организме, где Я является центром субъективного опыта, работа приобретает особый смысл и становится деятельностью, посредством которой Я осознает свой твор-

ческий потенциал. На мой взгляд, эта связь с Я указывает на то, что можно считать самым важным в работе, а именно: на работу, как характерную деятельность, посредством которой мы создаем исключительно человеческий мир.

Если мы рассматриваем работу по отношению к Я, тогда представление о том, что удовлетворение, ожидаемое от работы, мы сможем испытать только получив конечный продукт, в какой-то степени следует пересмотреть. Это также означает, что если мы считаем работу лишь необходимостью, – когда желание не приносит удовлетворения, – значит мы имеем только ограниченные базовые представления о работе. Мы не видим здесь присутствие Я в работе и, следовательно, некое удовлетворение, свойственное Я. Мы не видим здесь Я, так как желание слияния с удовлетворяющим объектом оказывается в оппозиции к импульсу существования Я, отдельного и отличного от объекта. В действительности, слияние с полностью удовлетворяющим объектом может аннулировать Я, а наряду с этим и возможность нашего творческого присутствия в этом мире. Рассматривая работу как творческую деятельность, мы не можем также утверждать, что способность откладывать удовлетворение является необходимой психологической способностью, которую следует развивать, если человек должен выполнить какую-то работу; потому что в таком случае мы исключаем любое удовлетворение в самом творческом процессе, представляющем собой работу. Работе мешает вовсе не невозможность отложить удовлетворение, а неспособность добиться особого удовлетворения, а именно удовлетворения от производства чего-то нового (творчество).

Определяющим качеством работы, включающим в себя творческий элемент, является отсутствие детерминированности.⁴ На это обращал особое внимание Жак, говоря о свободе действий, вплоть до того, что он настаивал на том, что «в работе сущность деятельности – это свобода действий». Когда подобная свобода

⁴ Психоаналитическая концепция, наиболее полно отражающая данное представление, – это понятие потенциального пространства Винникотта (Winnicott 2001; Bollas 1989 and Summers 2005).

деятельности встроена в саму деятельность, согласно предположению Жака, мы можем «отбросить все различия между творчеством и работой и говорить только о работе» (1990, р. 155). Таким образом, он приводит к выводу, что основным элементом способности выполнять работу является способность выносить неопределенность, характерную для деятельности, включающей в себя элемент свободы действий (там же, р. 130). Когда работа выражает творческое начало в человеке, умение выносить неопределенность действительно должно быть важнейшей составляющей в работе.

Качество неопределенности выражается в идее, что творчество – это способность создать нечто из ничего. Это также находит свое выражение в контрасте между творчеством и повторением. Художник, стремящийся максимально точно воспроизвести образ объекта во внешнем мире, ограничивает творчество случайными различиями между образом и объектом, детерминированными ограничениями используемых средств и техникой художника. Тем не менее, чем сильнее разница, возникающая не из-за технических ограничений, а из-за вмешательства субъективности, тем более творческим будет конечный продукт и связанная с этим деятельность. Творческий элемент проявляется настолько, что объект не предопределяет образ.

Этот принцип может иметь более широкое применение, если мы будем рассматривать правила и нормы как нечто, аналогичное модели художника. Соответственно, чем больше в работе мы следуем правилам, тем сильнее предопределен результат наших действий, и тем меньше может что-то появиться в конечном продукте, который не был предоставлен работнику в начале. Иными словами, чем менее детерминированным является результат нашей работы, тем больше субъективных элементов в работе. На мой взгляд, следует дифференцировать субъективность в работе, ибо я не ставлю перед собой задачу оспаривать, является ли работа исключительно субъективной деятельностью.

На самом деле, если бы работа была исключительно субъективной деятельностью, она не могла бы реализовать субъективность во внешнем мире (а это конечная цель работы). Продукт будет

ограничен тем, что Фрейд называет психической реальностью. В своем анализе работы я пришел к выводу, что огромную роль играет именно внутренняя или психическая реальность. В частности, мне бы хотелось подчеркнуть то, что мы не можем допустить, чтобы внешняя реальность в нашей работе в значительной степени доминировала над нашей внутренней реальностью. На самом деле допустить подобное господство – означает явно бежать от субъективности в работе; это одна из тех проблем, которые волнуют меня больше всего. Однако, работу можно считать действительно работой только тогда, когда она задействует внешнюю реальность. Я бы даже дал следующее определение: работа – это творческое взаимодействие между двумя реальностями. Именно об этом я и буду говорить в этой книге. Таким образом, меня прежде всего интересуют это внутренние условия, необходимые для формирования подобного участия, и ухудшение этих условий в работе, выполняемой людьми.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru